

Москва
МХАТ

27.10.98

Сто лет

Художественного

Театр

Праздновать столетие идеи — дело столь же заманчивое, сколь и рискованное. Ведь нет ничего эфемернее и изменчивее идей. Эпизоды их тиражируются, последователи извращают. Под эгидой благозвучных и светлых идей совершаются страшные преступления. Художественный театр подарил миру одну из — да нет, пожалуй, самую важную эстетическую и этическую формулу сценического искусства. Эту формулу (форму) тоже тиражировали и извращали. Против нее восставали, ее сбрасывали с парохода современности. Но все, что есть в соврэмном русском и европейском театре, так или иначе с этой идеей связано.

О судьбе и значении Художественного театра рассуждают доктор искусствоведения ИРИНА СОЛОВЬЕВА, человек, который, по мнению многих, «знает о МХАТе все», и режиссер, для которого понимание эксперимента и традиции в равной степени важны, — АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВ.

ИРИНА СОЛОВЬЕВА: «Это самый благородный и самый несчастный опыт человеческой души на театральных подмостках»

— Сначала несколько слов о самом юбилее...

— Ну какие тут могут быть слова. Не стоило тратить на все это деньги — делать пешеходную зону, ставить памятники, собирать торжественный вечер. Лучше выпустить на них еще какие-то книги о МХАТе или просто отклонить на Чернышевский бульвар, что там было разумное празднование было в 1918 году. Голод. Кошмар. Крутом убивают друг друга. А они просто собрались тихо-мирно, выпили чаю...

— Не приглашая людей со стороны?

— Ничего не приглашая. Известно, что Станиславскому и Немировичу труппа исполнила два больших белых хлеба. И это были не образцы, а очень полезные вещи. Потому что белых хлеба в октябре 1918 года в Москве не было. Больше никаких подарков и подношений. Так что я против торжества. Чему сейчас, собственно, радоваться?

— Это один вопрос, а другой — что, собственно говоря, отмечается? Если столетие знания...

— То это неверно, потому что они выжили сюда в 1902 году...

— Если столетие некоего театрального организма, называемого Художественный театр, то тут дела печальны — последние мхатовские премьеры производят удручающее впечатление. Если, как неоднократно заявлялось, отмечается столетие самой идеи Художественного, то причем здесь оба нынешних МХАТа?

— Я думаю иногда, как, в сущности, хорошо существовать театру вообще без идеи. Ну кто и когда кидался на Малый за то, что в нем поставили какую-то муру со бычьей. А во МХАТе это воспринимается как оскорбление. Это какой же был великий театр, если спустя сто лет плохие спектакли на его сцене возмущают. Я пока этих последние спектакли не видела, но точно помню на сцену, если это не так хорошо, как кончается. История МХАТа — это вечный бой с тенью. Когда репутация, имя и все прочее преследуют тебя, хотя ты — уже не ты. Ведь ни одного из тех людей здесь уже не осталось. И ужасно, когда выводит на сцену старшая и старух, как будто бы в них что-то сохранилось от того МХАТа. Это же неверно. Ну послал кому-то Бог долголетие — да продлится оно и дальше. Но это уже не те люди. И тени тех людей не должны мучить людей ныне живущих. Все это почти так же нелепо, как реставрация спектаклей. Все восстановления, которые я знаю, ужасны. Сохранение спектаклей больше 10-12 лет невыносимо. При этом ведь еще умерщвляется легенда. Спектакль — это же не лигурия, которая сохраняет себя независимо от того, какой свистяшек служит.

— Мне совестно, и даже в отрывках не читала ваш монументальный труд «Древо МХАТа»...

— Он совсем не монументальный. Это маленькая книжочка. В ней не больше пяти печатных листов.

— Правильно я понимаю, что основная ее идея в том, что МХАТ — это своего рода шинель, из которой выходят потом самые разные театральные традиции? И если это так, то что именно позволяло этому древу так разветвляться и приобрести такую крону?

— Гетерогенность и разнообразие был заложены в семени этого театра. Дело, повторяю, не в идеях, а именно в генах. Они ведь думали сначала, что проработают очень недолго — лет 5-6. То есть художественная задача этого коллектива предполагала жизнь совсем короткую. Немирович, очень любящий фразу из «Доктора Штокманова» том, что идеи быстро стареют, сначала утверждал, что Ибсен называет в качестве срока жизни идеи — 6-7 лет. Он ошибался, у Ибсена сказано — 17-18. Но потом, когда шесть лет миновали, Немирович стал говорить, что идея живет лет 20-30.

С самого начала предполагалось, что МХАТ будет распространяться, дублируя самого себя. Был даже замысел готовить специальные труппы художественных театров, которые, по замыслу Станиславского, должны готовить репертуар МХАТа и уносить его куда-нибудь в Елабугу или Еланск. Это была вполне реальная задумка. Уже потом стали говорить об «омонимичности», имея в виду 30-е годы и приписывая эту идею сталинизму. Но на самом деле она была заложена во МХАТе от рождения.

В этом принципе деления было заложено, конечно, мощное просветительское начало, но было и иная идея разделения — как способности к мутациям. Ведь если в результате мутации дают потомство, то возникает новая порода, новая популяция. Возникают Вахтангов, Мейерхольд, МХАТ-2.

— Но если МХАТ создавался как театр, который, по мнению его основоположников, просуществует очень недолго, то стоило ли превращать его в театр-хранитель традиций, нечто вроде Комеди Франсез?

— Столбный театр уже не может не иметь статус хранителя традиций. Несчастье в том, что никто, в особенности руководство Художественного театра, не хочет, чтобы его воспринимали как Комеди Франсез или Малый. А ведь можно застонать от мысли о том, как хорошо в том же Малом, где никакие тени — ни Мочалова, ни Ермоловой, ни Ленского — не являются тебе как угрожающие, угрожающие, угрожающие.

— Но дело все же не только и не столько в тех, кто работает во МХАТе, сколько в зрителе, которые в него приходят. Сколько раз мне приходилось беседовать с иностранцами, которые переступая порог МХАТа, всякий раз ждали театрального чуда и очень разочаровывались, если чудо не происходило.

— В том-то и дело. И за этим стоит еще одна простейшая вещь. Немирович говорил, что и Севия пьет, и чайка улетает. Все кончается, и нужно создавать новый художе-

ственный театр. У меня есть статья, которая так и называется «Создание Художественного театра». Это вечная их задача, причем впервые эту задачу уже в 1918 году на очень большом нерве и совершенно всерьез формулирует Станиславский. Он говорит: я не могу больше работать, как вы не понимаете, я могу жить только одной задачей — создание Художественного театра. Не сохранения, а создания. И они фактически и создали его вновь в 1924 году. Не МХАТ-2 (он существует отдельно), а именно МХАТ.

В 1943 году Немирович собирает у себя дома несколько человек, которым говорит (сохранилась стенограмма): нам нужно создать Художественный театр. Для этого организуется Школа-студия. На 2-3-й курс, говорит Немирович, надо бы взять обучаться кого-нибудь из тех, кто у нас сейчас в труппе. Станиславский отвечает: там человек шестьдесят, и они ни на что не годны. Немирович: ну почему же, человек десять-двенадцать способных есть.

— Господи, сколько же всего-то было?

— Да человек двести. Это же был с одной стороны — резервуар всех сил, а с другой — сточная яма. Так вот, надо отобрать человек двенадцать, из которых кто-нибудь сможет войти в театр. Я беру за голову. То есть как? Какой театр? Они же и так уже в театре. Получают зарплату, состоят в штате. То есть он опыт задумал создание МХАТа.

Несчастье в том, что все они — все свмывается, о котором тогда уже говорилось, что они гнилые и несчастные, и что из этого ничего не выйдет — осталось в труппе. Они все дожидались прихода Ефремова. И что с ними было делать? Они были еще достаточно молоды. Взять при жизни Станиславского и Немировича. На пенсию рано. Куда их девать?

— А то, что сделал Ефремов, это было очередное создание МХАТа? Или же он создал свой театр? Потому ему и не стоило МХАТом называться? Может к столетию сделать красный жест и снять с себя имя, и тогда снимутся соответственно все претензии и вопросы?

— Я даже не знаю, как лучше. Не знаю, не знаю... Ведь нельзя же снять крестное имя. Да и фамилию, наверное, надо сохранить. Она тебе дана при рождении, она накладывает обязательства, подталкивает, заставляет что-то помнить, чего-то стыдиться. Ведь Малый театр сохраняет имя.

— Но мы же сказали, что Малый — другое дело. К нему и претензий никаких.

— Вот и МХАТу пора перестать предъявлять претензии.

— А у вас не возникает иногда ощущение, что дух МХАТа жив не в самом МХАТе, а вот здесь, в этих двух комнатах, где сидят люди, изучающие его историю?

— Нет. Я думаю, что дух есть, где он захочет, как сказано в одной очень популярной юзеве. И несчастье от мысли о Художественном театре неизбежно переходящее на очень высокие материи. Это театр, который так или иначе сопряжен в нашем сознании (но и в собственной жизни тоже) с высочайшими и сложнейшими идеями человеческого существования. И ни один другой театр так не подталкивает человека к встрече с этими мучительными вопросами. И никто так не разочаровывал неразрешенностью этих вопросов в своих спектаклях. Никогда не входили с такими омидами. Никогда не были так горестно обмундированы — как создатели, так и зрители. Это самый трагический, самый высокий, самый благородный, самый высочайший опыт человеческой души на театральных подмостках. И в этом смысле мне всегда будет невыносимо и мучительно-хищные над этим театром, в какую бы гадушку мне его не заставили. Какая будет у него судьба дальше? Понятия не имею. Но то, что эта идея где-то оживает, не сомневался. Это очень национальная идея, которую не транслируем. Я имею в виду не методологию (она-то уже является почти везде, даже в Южной Корее), а мучительное приращение себя к вечным вопросам. Это наше домашнее проклятие. И быть архивариусом при таком трагическом театре чрезвычайно интересно.

ТЕ
Ж
О
МА
ГИ
ЗА
ТЕ
ЛА
ДУ
СТА
НИ